

"Допустим, как поэт я не умру"

ЛЕВНИК ЛИТЕРАТОРА

Столетний юбилей русского поэта Георгия Иванова (1894-1958) справляли с небывалой пышностью. Торжественное заседание по случаю юбилейной даты почтил своим присутствием Патриарх. Успел выйти к юбилею - к 11 ноября - шикарно изданный (и замечательный во многих других отношениях) трехтомник поэта, прозаика, критика, эссеиста и - с определенными оговорками - мемуариста, - полное собрание его сочинений за вычетом эпистолярного наследия. Юный поэт "серебряного века", видный представитель литературы первой эмиграции, признанный мастер так называемой "парижской ноты", литературный скандалист, а в последние годы жизни - и открытый люмпен, - окончательно сопричислен тем самым к сонму самых крупных поэтов столетия. И сопричислен по праву. Тем удивительней остается поэтому его творческий и жизненный путь, тем загадочней. Хотя сказано и написано о Георгии Иванове немало. Сказано, строго говоря, все. И задача современного исследователя (в значительной мере разрешенная составителем и автором предисловия к трехтомнику Евгением Витковским) заключается не в том, чтобы сказать о поэте что-то новое - такое едва ли представляется возможным, - но в том, чтобы отсеять зерна от плевел, очистить имя поэта от субъективных домослов, вымыслов и обид (а среди обиженных были, например, и Анна Ахматова, и Н.Я.Мандельштам), оставив читателя наедине с созданным самим поэтом, благо его творчество не требует особой читательской подготовки, - разве что определенного интеллектуально и нравственного бесстрашия.

Творческая судьба Георгия Иванова была заранее - еще по первым сборникам - предугадана, правда, в гипотетической форме, его будущим недругом и соперником Владиславом Ходасевичем. "Г.Иванов умеет писать стихи. Но поэтом он станет вряд ли. Разве только случится с ним какая-нибудь большая житейская катастрофа, добрая встряска, вроде большого и настоящего горя. Собственно, только этого и надо ему пожелать".

Так написал Ходасевич о броско дебютировавшем поэте "серебряного века". Прошли десятилетия - и бывшая жена Ходасевича Нина Берберова засвидетельствовала в мемуарах, посвященных уже сороковым-пятидесятым годам: "...Г.В.Иванов, который в эти годы писал свои лучшие стихи, сделал из личной судьбы (нищеты, болезней, алкоголя) нечто вроде мифа саморазрушения, где, перешагнув через наши обычные границы добра и зла, дозволенного (кем?), он далеко оставил за собой всех действительно живших "проклятых поэтов" и всех вымышленных литературных "пропащих людей"...

Серебряный век (сравни статью "Легенда о серебряном веке" в одном из недавних выпусков "Дневника литератора") оказался насильственно прерванным - Георгий Иванов (да и не он один) пытался воскресить его в эмиграции на протяжении всех межвоенных лет, но только на пути са-

моразушения сумел в конце жизни стать именно тем, кем и стремился стать едва ли не с четырнадцатилетнего возраста, - большим поэтом. Врожденное мастерство, виртуозное владение поэтической формой и, главное, жизнь стихами и жизнью только ради стихов - всего этого оказалось недостаточно. И только когда на противоположную чашу весов оказались брошены весь ужас и вся мерзость бытия - индивидуальная житейская катастрофа, помноженная на две последние катастрофы миров, в которых он некогда не столько жил, сколько пел и воспарял, - мирков петербургского и парижского, - только тогда навалилась подлинная тяжесть и поэтическая - с самого начала единственно важная для Иванова - чаша. Эго-футурист, акмеист, ученик Кузмина и Гумилева, он стал первым поэтом-экзистенциалистом, а может быть (так полагает Роман Гуль), и первым экзистенциалистом вообще.

*"Бредет старик на рыбный рынок
Купить полфунта судака. Блестят
мозы от дождя, Блестит зеркаль-
ная река. Провинциальные жилища.
Туземный говор. Лай собак. Все на
земле - питье и пища, Кровать и
крыша. И табак. Даль. Облака. Вот
это - ангел, Другое - спозно водопад,
а третье - совершенный Врангель,
Моноклем округивший глаз. Но Вран-
гель - это в Петрограде, Стихи, шам-
панское, снега... О, пожелайте, Бога
ради: Склероз в крови, болит нога.
Никто его не пожалеет, и не за что его
жалеть. Старик скрипучий околет,
Как всем придется околеть. Но все-
таки... А остальное, что мне дано
еще, пока - Сады цветущего весною,
Мистраль, полфунта судака?"*

Позднее творчество Георгия Иванова чрезвычайно неравноценно: работая на взрывоопасной смеси лиризма и цинизма, он сплошь и рядом оступается и соскальзывает в банальщину или в пошлость (от которых, кстати, - и это отмечали даже хулителю, - были совершенно свободны блестящие и пустые ранние стихотворения). И велик соблазн извлечь изюминку - и преподать читателю небольшой сборник истинных шедевров. Но это лишило бы трагический дневник позднего Иванова двух главных черт - непрерывности и достоверности. "Все на свете дело случая - Вот нажму на потерю, Денег выиграю кучу я И усы, конечно, срежу". Вздор, шутка, блажь? Да, конечно. Но рядом или почти рядом:

*"Листья падали, падали, падали, И
никто им не мог помешать. От гнию-
щих цветов, как от падали, Тяжело
становилось дышать. И несло светозарное
пенне Над плескавшей в тумане
рекой, Обещая в блаженном успении
Отвратительный вечный покой".*

Отвратительный вечный покой. И Патриарх на торжественном заседании по случаю столетия поэта. Лиризм и цинизм - взрывоопасная смесь.

- Когда-нибудь, когда устанешь ты,

Устанешь до последнего предела...

- Но я и так устал до тошноты, До отвращения...

- Тогда другое дело. Тогда - спокойно, не спеша проверь

Все мысли, все дела, все ощущение,

И если перевесит отвращенье --

Завидую тебе: перед тобою дверь
Распахнута в восторг развоплоще-
нья.

Скандальную известность приобрели поэма в прозе Иванова "Распад атома" (она напрямую связана с поздней экзистенциалистской лирикой, хотя и превосходит ее по времени) и две книги псевдомемуаров - "Петербургские зимы" и "Китайские тени". В первой трети века "роман без вранья" следует рассматривать не как название конкретного произведения Мариненгофа, а как жанровую характеристику, причем зачастую с противоположным знаком. Поэзия и правда, по антитезе Гете, еще не были разделены, миф творился из самой жизни (а жизнь, в свою очередь, была мифологизирована, а то и просто выдуманна) - меж тем, именно "Петербургские зимы" вызвали эффект отторжения у "подруг и товарищ" по "серебряному веку" и, в конечном счете, предопределили длительное невнимание к поэту на родине и неприятие его творчества в целом. Впрочем, поздние стихи Иванова стали у нас известны - в самиздате - только в начале семидесятых.

А до того - и самые взыскательные ценители поэзии ориентировались на замечательную антологию Ежова и Шамурина "Русская поэзия XX века" (три года назад переизданную после семидесятилетней паузы), в которой Георгий Иванов представлен щедро, но, естественно, лишь ранней лирикой. В последние годы Иванова хотели у нас издать многие - удалось это сделать Витковскому; к счастью, оказался реализован наиболее амбициозный и филологически выверенный проект. "Господи, ведь вышло!" - вырвалось у составителя, занимавшегося творчеством Георгия Иванова четверть века.

*"Все чаще эти объявления: Одно-
полчане и семья вновь выражают со-
жаления... "Сегодня ты, а завтра я!"
Мы вымираем по порядку - Кто по-
утру, кто вечером - Ина кладбищен-
скую грядку Ложимся, ровненько,
рядком. Невероятно до смешного:
Был целый мир - и нет его... Вдруг - ни
похода ледяного, Ни капитана Ивано-
ва, Ну абсолютно ничего!"*

Вопреки этим строкам, Георгий Иванов (а не ИванОв) не был ни капитаном, ни участником Ледяного похода, - все это написано о другом. "Допустим, как поэт я не умру, Зато как человек я умираю" - это уже ближе, хотя тоже неточно. Человеческую смерть, гибель души, "распад атома" Георгий Иванов сумел превратить в события истинной поэзии, эта нота - а вовсе не парижская - останется от него в музыке веков. И, подсказанный трагической - хотя и поиному трагической - традицией, ослепительный синтез, чудо поэзии как таковое:

*"Это звон бубенцов издалека, Это
тройкой широкий разбег, Это черная
музыка Блока на сияющий падает
снег".*

А еще он какое-то время был мужем Ирины Одоевцевой, вернувшейся "на берега Невы" умирать, чтобы избежать парижской богдельни.

Виктор ТОПОРОВ